

Посвящается Ники — лучшей собаке на свете

Религия состоит из набора вещей,
в которые, как полагает средний че-
ловек, он верит и в которых хотел бы
быть уверенным.

Блокноты Марка Твена.

Марк Твен

Безумие заразно.

Себастьян Хафф

(имперсонатор Элвиса)

1

Поздней ночью, накинув на плечи плед, я сидел за столом на веранде своего дома с чашкой горячего чая. Меня мучила головная боль. Дни уже давно стояли прохладные, и зелень окружавшего мой дом леса увядала. Однако угасание лета и наступление осени подарили мне красоту иного рода — бурой и золотистой, багряной и оранжевой листвы.

Но сейчас, в темноте, я, конечно же, не мог видеть красок. Лишь слышал, как в глубокой ночи под легким северным ветерком подрагивают ветви, роня листья, — а те, планируя, опускаются на землю. К утру и землю в лесу, и траву на моей лужайке укроет пестроцветный ковер.

Я выхлебал остатки чая, держа теплую кружку обеими руками, затем поставил ее на стол и спустился с веранды, кутаясь в плед.

Я неспешно прошагал на задний двор, где меня поджидали высокий табурет и телескоп на треноге. Уселся на табурет, поплотнее закутался в плед и приник к окуляру. Луну окольцевал светящийся круг: либо у меня начала зреть катаракта, либо — что более вероятно — работает примета старого фермера, предвещающая перемену погоды.

Едва я взялся перенастраивать телескоп, как услышал гудение мотора на моей длинной подъездной дорожке. Я соскользнул с табурета и зашагал вокруг дома. Вскоре я увидел свет автомобильных фар, плывущий по дорожке. У ворот свет остановился и погас. Дверь машины открылась, и на мгновение в облачке сияния салонной лампы я увидел женщину. С этого расстояния можно было разглядеть лишь силуэт, но я тотчас понял, что знаю ее. Я знаю, как она двигается, и как пахнет, и как прикасается ко мне. Моя бывшая жена, Мэг, которую я с шутилой нежностью называл Мегалодоном.

Она захлопнула дверь — машина растворилась в темноте, а Мэг превратилась в движущуюся тень. Деловито и ловко, по-обезьяньи, она перелезла через ворота и зашагала по подъездной дорожке к дому. Приставными шагами вдоль стены я вернулся на крыльцо и снова уселся в кресло. Горячего чая уже не осталось, но я почему-то взял кружку обеими руками, словно надеясь, что она еще могла сохранить тепло. Не сохранила. На деле, похоже, эта ночь несла мне не только встречу с бывшей женой, но вместе с ней еще и неожиданное похолодание, сопровождаемое недобрыми предчувствиями.

Мэг несколько раз навевывалась в мое нынешнее жилище, чтобы поговорить о том о сем, — по большей части темой разговоров было избавление от общей собственности, — однако это жилище принадлежало мне одному вне зависимости от прежних обязательств. Ее одежда никогда не висела

в моих шкафах, а косметика и лак для волос не были разбросаны вокруг одной из раковин в ванной, и ее шампуни и кондиционер не стояли на полочке в моей душевой. Мэг никогда не получала здесь большего, нежели кофе за столом в доме да один раз — здесь, на веранде.

Сказать по правде, я счастливчик. Притом что я еще молод, в ближайшие пару лет мне не придется искать работу, чтобы оплачивать счета. Тем не менее, вставая по утрам, я принимался трудиться над новой книгой. Надеюсь, скоро я закончу ее и, прибегнув к магии электронной почты, отправлю своему задержанному литературному агенту. Я не был богат, и новая книга тоже не сделает меня таковым, но она давала мне возможность не вкалывать от звонка до звонка.

Сейчас мне жилось лучше, чем в ту пору, когда мы с Мэг были женаты. Мэг не давала сосредоточиться, рассеивая мои мысли. Теперь у меня была цель, и о Мэг я думал всего лишь десятков раз в день, а не ежеминутно.

Мэг двигалась ко мне, и чем ближе она подходила, тем сильнее занимал мои мысли ее муж Итан. Он прикасался к ней там, где прикасался я, и она прикасалась к нему там же, где прикасалась ко мне, и от этого мне вдруг сделалось тошно, и я почувствовал себя по-дурацки, как школьник, чья подружка укатила на машине другого парня, потому что у того тачка оказалась круче.

Мэг ступила на веранду. Доски скрипели, когда она шла ко мне. Она уселась за стол напротив. Луна

все ниже и ниже клонилась к западу, забрасывая горсти серебристых лучей под нависающую крышу и на веранду и при этом подсветив Мэг так, что на мгновение та показалась прозрачной. Затем Мэг чуть сдвинулась, и я увидел, как она красива: длинные волосы цвета воронова крыла рассыпались по плечам водопадом пролитой китайской туши. В лунном свете ее нежная кожа казалась еще нежнее, по крайней мере, на той стороне лица, которую я мог видеть отчетливо. На Мэг была футболка, синие джинсовые шорты и тенниски. Она села в кресло, подобрав на сиденье длинные ноги, и положила подбородок на колени, обхватив их руками.

Я видел на ее лодыжке браслет, серебряную цепочку с висящим на ней сердечком из серебра. Мне была знакома эта ее поза. Иногда она даже спала так, волосы закрывали ей лицо, словно капюшон. Много раз по ночам я пальцами осторожно отводил волосы с ее лица, чтобы любоваться им, чтобы слышать ее дыхание; я прикасался к ней так же легко, как к крыльям бабочки.

— Я была уверена, что ты не спишь, — заговорила она. — Ты всегда любил засиживаться допоздна.

— Когда не надо было рано вставать, — откликнулся я.

— Как дела?

— Все хорошо. Не думаю, однако, что ты явилась почти в три ночи, чтобы справиться о моем здоровье и общем благополучии.

— Пришла попросить об одолжении.

— А до завтра это не могло подождать? Или можно было решить вопрос по телефону. А еще есть электронная почта.

— Мы больше не вместе, но мне хотелось тебя увидеть.

— Прекрасно. Ты меня увидела.

— Не будь злоюкой, Чарли.

— Я все еще чувствую себя в некотором роде кинутым от того, как ты сбежала с Итаном. Тогда я подумал, что ты просто вышла в магазин.

— Ну, значит, тебе понравится моя просьба. Мне нужна твоя помощь. Это связано с Итаном и с тем, что, как мне кажется, может быть убийством.

— Убийством? Кого убили?

— Итана.

— Итан мертв?

— Думаю, да. И я думаю, происходит еще много чего, и я не больно-то понимаю происходящее, но одно вижу: это еще не конец. И я сбита с толку.

— Как-то все чертовски запутано, Мэг.

— Я не хотела так это подавать. Я знаю достаточно лишь для того, чтобы понимать, что знаю недостаточно.

— Почему ты пришла ко мне?

— Ты был полицейским.

— Два года. Ненавидел это дело.

— И частным сыщиком.

— Год или около того. Ненавидел это дело.

— Но у тебя хорошо получалось.

— Полиция. Иди туда.

— Толку не будет, Чарли.

— Я по-прежнему ничего не понимаю. Итана убили? Я ничего об этом не слышал.

— Сдается мне, ты здесь как на необитаемом острове.

— Согласен. Но я читаю новости на компьютере, время от времени смотрю телевизор. Ничего о мертвом Итане Филипсе.

— Ты по-прежнему смотришь на звезды и Луну и гредишь о Марсе?

Эта реплика показалась мне странной.

— Именно этим и занимался, когда услышал твою машину.

— Продолжаешь вести расследования — в каком-то смысле. Интересуешься тем, чем занимаются люди, пытаешься получше разглядеть лицо Луны, разгадать марсианские загадки. Я совершила ошибку, уйдя от тебя.

— Может, мне хорошо без тебя.

— Человек порой делает глупости.

— Кого из нас ты имеешь в виду?

— Себя, видимо.

— Черт, Мэг. Мы оба глупили. По молодости.

— Думаю, я больше люблю идею того, чтобы быть влюбленной, нежели саму влюбленность. Люблю тот взрыв эмоций, что случается, когда приходит что-то новое. В моем случае — очередной новый роман. Новые взгляды. Новые убеждения. Все это для меня как конфетка... До тех пор, пока не прожую.

— Ну да. Игра в собачку, а я — в центре. Кэсси-ди, я, а теперь Итан. Ты проходишь сквозь нас, как дерьмо сквозь гуся. Используешь брак как плейсхолдер¹.

— Видимо, я это заслужила. Моя мать была такой. Думаю, в жизни лучшему учишься у лучших, а худшему — у худших, а она была одновременно и тем и другим. Твоя мать — вот это была мать! Мой идеал.

— Я тоже, — сказал я. — Но, возвращаясь к нам, — все кончено. Мы больше не «мы».

— Это не совсем верно.

— Потому что тебе нужна моя помощь?

— Отчасти. Мне нужно, чтобы ты кое-что расследовал для меня — как частный сыщик.

— У меня нет лицензии. Уже много лет как. И ты это знаешь. Я теперь писатель на полной ставке.

— Но с лицензией или без — ты же знаешь это дело, верно?

— Знаю.

Мэг слегка поежилась. Я встал, накинул ей на плечи свой плед. Ее рука поднялась и коснулась моей. Она показалась мне ледяной, чуть влажной, и от этого в моих глазах будто щелкнула электрическая искра, но в тот же миг угасла.

Мэг сказала:

---

¹ *Плейсхолдер* (от англ. *placeholder* — заполнитель) — текст, который находится внутри поля для какого-либо блока: ввод адреса электронной почты, ввод пароля, ввод телефона, ввод иных данных.

— Будь осторожен с омлетами. И остерегайся большого кургана внутри круга.

— Что? — не понял я, и плед опал на кресло.

На котором никого не было.

Пришел мой черед содрогнуться.

Я долго не сводил глаз с пустого кресла. Затем направился к воротам. Не было там никакой машины. Из кармана пальто я достал телефон и включил фонарик. Земля оставалась сырой после вчерашнего дождя. Проливного дождя, размывшего колеи и превратившего песок в кашу — идеальная почва для отпечатков. Однако на влажной земле не было следа ни от шин, ни от обуви.

2

Я позвонил Мэг, но ее мобильный не работал. Подумал, не съездить ли к ней на квартиру, но решил, что не стоит. В привидения я не верил, но определенно верил, что что-то не так.

Быть может, со стороны Мэг и Итана были какие-то сигналы, которые заставили меня вообразить нечто подобное?

Полностью убедить себя в этом мне не удавалось. Мэг казалась такой реальной... А машина? Как насчет машины?

Я лег в постель, но заснул не сразу. Дважды вставал и выходил на крыльцо в одних трусах. Поселиться в таком месте было отличной идеей: никаких соседей, выглядывающих из окон и готовых натравить на меня полицию из-за непристойного обнажения. При желании я мог преспокойно пописать прямо со ступенек моего крыльца — что и делал.

На кресле, где сидела Мэг, оставался лишь плед. Я подобрал его и уловил сладковатый аромат, заставивший меня вспомнить ее любимые духи. Сирень. Я разволновался еще больше. Неужели она действительно побывала здесь, пришла и ушла, а у меня не сохранилось воспоминания о ее отъезде?

От этих мыслей легкая головная боль чуть усилилась. Голова у меня в последнее время болела частенько.

Наконец я снова забрался в постель, захватив с собой плед. Обнял его, свернулся вокруг калачиком — так ребенок прячется под защиту своего одеяла. И заснул, вдыхая аромат сирени.

На следующее утро, вспомнив предостережение Мэг, я отказал себе в ежедневном омлете. Я не мог уразуметь, что к чему в этой истории, но она меня тревожила. Съев тост и выпив чашку кофе, я принял душ и оделся. «Надо поговорить с братом», — решил я. И упаковал в пакет кое-что для него.

Но до этого разговора нужно было сделать еще одну вещь. Быть может, тогда все изменится и нам вообще не придется разговаривать. По крайней мере, о призраке и убийстве.

Я забрался в машину, подъехал к воротам и, воспользовавшись пультом, открыл их. Затем вышел и внимательно осмотрел землю, думая, что сейчас, в утреннем свете, найду улики.

По-прежнему никаких отпечатков — ни шин, ни обуви. Увидев нетронутую грязь, я снова вздрогнул.словно сам дьявол провел ледяным пальцем вдоль моего хребта.

Выехав за ворота, я продолжил путь в Мэйтаун, где живут Мэг и ее муж Итан. Или жили. Я уже не знал, что и думать после минувшей ночи. Жив Итан или умер? И если прошлой ночью на мою

веранду явился призрак, значит ли это, что Мэг мертва?

На входе в их жилой комплекс я увидел потрепанную вывеску, с которой отвалились несколько букв на магнитах, так что теперь она гласила: «_ ООМ _ О _ ЕТ» вместо «ROOMS TO LET»¹. В остальном место выглядело приличным и явно ухоженным. Прежде у Мэг я бывал лишь раз. Располагалась она на первом этаже рядом с бассейном и теннисными кортами. Перед бассейном и вдоль ограды недавно разбили длинную цветочную клумбу, которая огибала стену квартиры Мэг. Пока, правда, без цветов. Коричневая и жирная земля на клумбе пахла затхлостью. На поверхности виднелись кусочки гравия, и один из них блестел, как стекло. Кое-где зеленели свежепроросшие сорняки. Если кто и посадил на этой клумбе луковицы цветов, им еще предстояло заявить о себе. Весной, подумал я, проклюнутся.

По травянистой полосе, разделявшей ряды апартаментов, быстро двигался на небольшой садовой газонокосилке парень в низко надвинутой на глаза кепке, рабочей одежде и с лицом, которое могло бы сойти за сжатую задницу. Разбрасывая влажную траву, он прожужжал мимо по газону, посмотрел на меня и медленно кивнул.

Я кивнул в ответ, и он покатило дальше, а я остался стряхивать влажную траву со штанов.

---

¹ «Сдаются комнаты» (англ.).

Я постучал в дверь квартиры Мэг, после того как попробовал звонить и обнаружил, что звонок не работает. Во всяком случае, я его не услышал.

Стук тоже не помог. Я со всей дури дергал дверь, но квартира была заперта накрепко, как банковское хранилище. Подойдя к окну, я попытался разглядеть что-нибудь за неплотно сдвинутыми шторами.

Внутри было темно.

— Они уехали, — сказал кто-то.

Я повернулся. Передо мной стояла женщина лет на пять старше меня, и что-то в ее лице наводило на мысль, что она прожила свою жизнь в грязном, прокуренном помещении. Стройная, с каштановыми волосами до плеч, она была в свободной футболке, шортах и грязных белых теннисных туфлях. С губ женщины, как червеобразный отросток, свисала сигарета. Несмотря на довольно мрачное впечатление, создаваемое внешностью незнакомки, была в ней и некая беспечная привлекательность.

— Уехали? — переспросил я.

— Ну да. Недавно. Кстати, я Эвелин. Эвелин Вудс.

— Чарли Гарнер. Они уехали с вещами, вы не знаете?

— Нет, все их имущество осталось. Ну, что-то, может, и взяли с собой, но явно не больше обувной коробки — учитывая, сколько еще в квартире барахла. Своими глазами видела. У меня, ясное дело, есть ключ: я здешняя управляющая. А вы кто?

— Бывший муж Мэг.

— Писатель?

— Периодически.

— Она упоминала о вас.

— Вы с ней подруги?

— Приятельницы. Насчет подруг не скажу. Время от времени встречались у бассейна, болтали... Она любила загорать. А я — сидеть под зонтиком за столиком с высоким стаканом чая со льдом.

— Всегда предупреждал ее, что так и до рака кожи недалеко, — заметил я.

— Запросто. Но она смуглая, у них риска меньше. Как-то раз она сказала мне, что дело не в загаре: на самом-то деле она не загорает, а греется. Она любила жару.

— Это на нее похоже. А что Итан?

— Он был чем-то вроде ее тени. Глиста с подтяжкой лица. Разве что волосы красивые. На вид — совсем не пара ей, вот ни чуточки. И жутко ревнивый. Может, не без причины. Меня бесило, как глазел на нее мой муж. Всегда ведь видно, когда мужик мечтает накинуться на женщину, как на свиную отбивную. Она тоже это видела. Ходила в этих шортиках — ползада наружу. Вон он, мой муженек, на косилке. Клетус¹ Пенис, так его называли раньше, может, и сейчас тоже. Ни одной щелки, куда можно присунуть, не пропустит.

---

¹ Клет, Анаклет I, Аненкле (лат. *Anacletus, Anencletus, Cletus*, ок. 88–96 гг.) — епископ Римский, священномученик.